

<А. А. ВОЛКОВА?>

О «Новой Элоизе». Письмо Россиянки

Столько было писано и говорено о сем романе, что всякое новое замечание может показаться излишним или обыкновенным; но Русская может сказать свое мнение для Русской, для тебя, моего друга, не заботясь о мнении света, Авторов и Французов. Впрочем, ни один из их литераторов*, сколько мне известно, не заметил, какое действие имеют первые письма «Новой Элоизы» на сердце, истинно благородное в отношении к главной страсти, столь мастерски описанной.

Достоин удивления, что Руссо, который хотел представить своих любовников столь нежными и разборчивыми, во многих местах противоречит сему намерению и сему чувству нежности. Нельзя не заметить того, читая первые письма романа. Едва признание любви вырвалось из уст отчаянной Юлии, и счастливый любовник через несколько дней ропщет уже на ее строгость в обхождении и, не довольствуясь сердцем красавицы, смеет говорить ей в письмах о движении грубых чувств своих, как будто бы невинность могла разуместь и должна слышать такой язык бесстыдный: «Долго ли очам моим», пишет Сен-Пре к Юлии, «долго ли очам пожирать те прелести, до которых уста мои не смеют никогда прикасаться?.. Ты будешь для меня предметом всегдашнего почтения; но могу в иное время забыться, и упоение чувств может довести до такого преступления, которого ужаснулся бы я сам в другое время, в час хладнокровного спокойствия». Это ли язык

* Ла-Гарп, Мармонтель, Сталь, Жанлис, если угодно, Мерсье и проч.¹

нежного любовника? Кому осмеливается он представлять вместо почтительной нежности сердечной порочную картину чувственных движений и любовного сладострастия? Молодой девушке, достойной его уважения, слепой любовью к нему доведенной до крайности, пожертвовавшей ему добрым именем, женскою стыдливостью, дочернею должностью. Не сам ли он произнес свое осуждение, когда в первом письме сказал так прекрасно: «Не страшитесь, прекрасная Юлия, не забудусь до того, чтобы говорить речи неприличные и вас недостойные; никогда не нарушу того почтения, которое иметь обязан не столько к роду вашему, сколько к вашим добродетелям». Можно ли ожидать, что тот же самый любовник будет досадовать на то, что приносимые им жертвы в угождение любви и добродетели стоят ему усилия, а ей не стоят никакого труда? И чего он хочет? чего требует? Того ли, чтобы невинность обрекла сама себя на погибель, дала ему и себе волю в движениях чувства, сказала с бесстыдством Аспазии или Ниноны²: владей мною и удовлетворяй твоим восторгам! Нет! истинная любовь бережет честь своего предмета; и если самая беспорочная склонность ее неразлучна с восторгами пылких желаний, то по крайней мере уважение к любовнице повелевает добродетельное молчание. Может ли любовник, не оскорбляя женского достоинства, позволить себе говорить девушке о тех порочных желаниях, которые возбуждает красота ее? Никогда; или любовь его достойна презрения. Но этого еще не довольно: Юлия в состоянии девической невинности, конечно незнакомая с теми желаниями, о которых пишет к ней Сен-Пре, Юлия понимает его, не стыдится понимать и отвечает ему в том же смысле: «Разумею», говорит она, «удовольствия порока и честь добродетели принесли бы лестный тебе жребий! Разве в том состоит мораль твоя?.. Скоро, мой друг, скоро наскучило тебе великодушие!» Боже мой! как может стыдливая красавица, не потеряв последнего уважения к добродетели, сказать: *разумею тебя*, когда любовник говорит ей о самых низких стремлениях чувства, если и предположим, что она может в таких юных летах иметь понятие о других наслаждениях в любви, кроме сердечных. Все, что ни пишет она в сем письме к любовнику, есть грозное для него осуждение, верное доказательство непочтительной любви и справедливейшая укоризна, но которой надлежало быть в сердце Сен-Пре, в устах моралиста, а не на языке добродетельной Юлии, пишущей к другу сердца. Но Руссо не имел и намерения сокрыть неблагопристойность сего рода. Мы усомнились выше, чтобы Юлия

знала некоторые любовные тайнства; а сочинитель романа не оставляет даже повода к сомнению: ибо героиня его признается в том же письме, что *сердце ее требует любви, но чувства не требуют любовника*. Может быть, насмешники скажут, что она не слишком еще сведуща для своего возраста и пола; но мы заметим, вопреки забавникам, что она слишком откровенна для женщины хотя и в тайной переписке любовной.

Красноречивое письмо о первом поцелуе любви имеет для меня тот же порок и недостаток. Великодушная любовница за терпение и снисходительность друга обещает ему в награду приятное удивление, которого он не ожидает; и в самом деле, через несколько дней позволяет ему поцеловать себя в уединенной роще Кларансовой, но в присутствии неразлучной с нею подружки Клеры. Мне кажется, что в подобных обстоятельствах истинный любовник написал бы благодарное письмо совсем не в том духе и тоне, с каким написано письмо Сен-Пре к Юлии. Смятение и воспаление всех чувств, произведенные сим поцелуем, как говорит Сен-Пре, не помешали бы, кажется, чувствительному и прямо нежному любовнику наложить на себя молчание о действии сего поцелуя на чувства, чтобы дать волю говорить одному сердцу, преисполненному любви и благодарности. Юлия сохраняла еще свою невинность, и девическое состояние требовало языка бережливого, а не вольного; разве Сен-Пре хотел наказать ее сим языком за излишество женской слабости и за пример, соблазнительный для обоих полов. Одним словом, вижу в сем письме красноречивого Автора; но едва узнаю чувствительного любовника и добродетельного мужчину.

Не скажу того о нескольких строках, начертанных любовником в кабинете Юлии перед ночным свиданием, и о письме, к ней написанном на другой день после сего свидания. Тогда любовь могла являться без покрывала и говорить без тайнства; ибо они были уже *полными* любовниками.

Между неестественными и недобродетельными поступками полагаю замужество Юлии. Нет сомнения, что она могла, в угождение родителям, по некотором поздном раскаянии, разорвать порочную связь с любовником, чтобы навсегда оплакивать заблуждение молодости; но могла ли без преступления, должна ли была без предварительного объявления о своей любовной слабости вступить в супружество с другим мужчиною, для которого молчание ее было обманом? Правда, Вольмар знал о ее любовной связи, но знал не от нее; и этого довольно для ее обвинения.

Если для многих кажется невероятною доверенность гостеприимного мужа, который позволяет старинному любовнику жить у себя в доме, то мне кажется еще невероятнее согласие последнего на предложение поселиться в доме Вольмара, чтобы проводить мучительную жизнь среди верных супругов, из которых одна была некогда его любовницею, а другой был похитителем его прав и счастья, среди их детей, которых образ не мог не терзать его вечным сожалением, среди жестоких искушений, которым надлежало доводить его до последнего отчаяния. Здесь Автор, соблюдая нравственную благопристойность, удалился от естественного хода страстей и от опытов человеческого сердца. Кто на месте Сен-Пре выдержит без отчаяния всегдашнее присутствие Юлии и неразлучные с тем воспоминания навеки потерянного блаженства, тот не любит или не любил; и, как говорит главный герой романа, тот достоин падения, кто поднимает труд свыше силы человеческой. Конечно, добродетель не позволяла даже мыслить прежнему любовнику о нарушении того священного союза, который соединял согласных супругов, достойных его зависти; но тем более повелевало ему мудрое благоразумие и справедливая недоверчивость к самому себе не подвергаться тем искушениям, которых жестокость была не в соразмерности с человеческою природою. Лучшее письмо в романе о прогулке по озеру есть верная и прекрасная картина того страдания, от которого надлежало вечно кипеть сердцу беззащитного друга Юлии; и оно доказывает, что сердечная слабость была готова погубить обоих любовников, если б возобновлялись для них уединенные прогулки.

В сем отношении большая часть тех превосходных писем, где Сен-Пре распространяется о приятностях, забавах и порядке Вольмарова дома, кажутся мне неестественными. Мог ли он спокойно разбирать, наблюдать, описывать отчаянную картину того домашнего и семейственного счастья, которому надлежало быть его собственным уделом, если бы судьба не поставила к тому вечной преграды? Нет, конечно; но если не имеют те письма и вероятности, зато они служат образцами изящного слога, вкуса и таланта.

То же должно сказать о целом романе, которого главное достоинство состоит в искусстве живописного пера. Многие письма могут почитаться в одно время мастерскими произведениями авторского дарования и любовного красноречия. Предпочтительный выбор некоторых писем есть дело особенного вкуса для каждого читателя. Что касается до меня, то предпо-

читаю всем другим местам в «Новой Элоизе» трогательное сожаление Юлии о потере тех добродетелей, которыми некогда любовь украшалась в невинной связи их сердец; сердечное излияние счастливого любовника после ночи, бывшей покровом и свидетельницей таинственной любви их; описание первого свидания по замужестве Юлии; катанье по озеру и прогулка в Мельери; письмо, где Сен-Пре говорит о несчастном атеизме Вольмара и о сердечной ангельской вере чувствительной Юлии, огорченной мнениями супруга; наконец, пленительные картины тех семейственных радостей, которыми добродетельная уже мать и супруга умела окружить в доме мужа, детей, отца, всех родственников и друзей своих.

Но, по моему мнению, несправедливо думают некоторые критики, что главное происшествие сего романа не имеет моральной цели. Не желаю быть защитником вредных для нравственности книг; но я не вижу основания сего мнения. Из «Новой Элоизы» можно вывести то же нравоучение, какое мы извлекаем из Ричардсоновой Клариссы, которую приводят обыкновенно в сравнение и в опровержение Руссовой — Элоизы. Мы видим во Французском романе (то же, что и в Английском), как молодая девушка, украшенная от природы всеми достоинствами сердца и разума, переступив за границу обязанностей своего пола и доверенности к родителям, увлечена неосторожною любовью в бездну стыда и злополучия; видим, как добродетельная женщина, с благородными правилами, не должна верить ни уму, ни сердцу в опаснейшей из страстей человеческих, когда не руководствует ею опытный рассудок или просвещенный друг; видим, сверх того, как молодой человек, имея честные намерения, а не злодейские умыслы Ловеласа³, не может, однакож, остеречься от заблуждения чувств своих и не погубить, подобно последнему, ту, которой честь и спокойствие должны быть для него дороже собственной жизни; видим, наконец, как молодые любовники не могут полагаться на их взаимные обеты, ибо в сих случаях чувства бывают всегда в противоречии с языком, а любовь с добродетелью. Или я много ошибаюсь, или преступление любви нравоучительнее в лице слабого Сен-Пре, нежели в лице зверского Ловеласа; ибо такие совершенные злодеи, каков обольститель Клариссы, редки в свете и потому менее опасны; а добродушные, но виновные юноши, каким по слабости сердца и чувств сделался любовник Юлии, гораздо обыкновеннее и скорее могут показать пример опасности для обоих полов. Какой урок для молодых людей! Сначала Сен-Пре и

Юлия тайно любят друг друга; но вместо того, чтобы первому осудить себя на молчание перед ученицею, из уважения к ее роду, к ее обязанностям, к святому долгу гостеприимства, а другой открыться в сердечной склонности доброй матери, которая могла бы принять меры, требуемые осторожностью, оба позволяют себе питать в груди порочное пламя, и даже вступают в переписку, которую строгая нравственность не может никогда позволить. — Какие же губительные последствия! Едва сей первый шаг сблизил любовников, и бездна грозит раскрыться под их ногами! Как чистосердечно обнадеживает свою подругу неопытный молодой человек, что она не имеет причины остерегаться от восторгов любви его, и как нечувствительно ведет ее и себя на край пропасти к бесчестию и преступлению! Добрый Швейцарец дорожит спокойствием достойной красавицы, а сам лишает ее первого блага в жизни — чести и доброго имени! Красавица верит добродетели и порочную связь убивает тех, которым обязана жизнью, благодарностью и совершенною покорностью! Ничто не может оправдать их; но они оправдывают себя любовью: страшный пример для неосторожного юношества и убедительное доказательство, что всякая страсть приносит только ослепление, а непозволительная связь горестные бедствия!⁴ Виновная и раскаявшаяся дочь исполняет наконец волю родителя и заглаживает отчасти свое преступление; но чего стоит ей позднее раскаяние, вечный разрыв любви, жестокие воспоминания невозвратного? кто согласится за несколько быстрых мгновений радости принять те непрерывные муки и страдания, которые терпели оба любовника в жизни? Никто, конечно, если он умеет только войти в их чувства и положения. Вот нравоучение, которое само собою представляется для читателей романа. Если же картина любви склоняет более к сердечной слабости, нежели удаляет от нее через тайные нравоучения, то сей упрек должен относиться не к «Новой Элоизе», но ко всем романам вообще, которых рассмотрение не принадлежит уже к предмету моего письма.

